

Сергей Ерёмин

Соседский переполох

сборник эссе

Сергей Викторович Ерёмин

Соседский переполох.

Сборник эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624520

ISBN 9785449685674

Аннотация

Недавний случай заставил меня задуматься, а, что мы знаем о своих соседях. Стал разбираться. Получилось тридцать рассуждений об отдельных видах соседства, с которыми я лично столкнулся. Понятно, что под словом «сосед» подразумевается не только конкретный человек...

Содержание

Армада	5
Большие и мёртвые	10
Виртуализация	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Соседский переполох

Сборник эссе

Сергей Викторович Ерёмин

© Сергей Викторович Ерёмин, 2019

ISBN 978-5-4496-8567-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Армада

В строгом смысле, этот вариант только внешне похож на соседство. На самом деле, он имеет вполне конкретное название, которое у нас принято называть армейской службой. Соответственно, рассматриваемые персоналии приобретают статус сослуживцев или, если служба протекает в зоне боевых действий, однополчан. В России, с её историей, такое соседство всегда было сильно распространено и всегда содержало особый подтекст.

Немного непривычно рассматривать солдата в соседнем окопе в качестве соседа, но фактически он им является. За тысячу лет нашей истории братство по оружию давным-давно трансформировалось в привычное соседство по блиндажу. Десятилетия не проходит, чтобы «текущему» поколению не предоставили шанс примерить на себя не только гимнастёрку с сапогами и возможность разделить котелок с кашей со своим соседом, но и быть отправленным вместе с ним, ну, скажем, в закрытом гробу на одном большом самолёте. И это в реальных войнах, где убивают целенаправленно. Самый пронзительный в своей искренности вариант соседства, где твоя жизнь во многом зависит от действий стоящего рядом в едином строю. Впрочем, точно так же, как и жизни, одинаково с тобой одетых людей, зависят от тебя. Здесь ты обязан быть предельно честен со всеми, даже с со-

всем незнакомыми людьми. Это тебе не во двор покурить выйти...

Тут я могу опираться только на предания родственников, так как сам ни в чём подобном участия не принимал. А придумывать на эту тему всякие небылицы совесть не позволяет. Выскажу соображения только об облегчённой версии военного соседства – о казарменном соседстве. Тут спрос с товарищей по воинской части несколько другой, накал страстей направлен не совсем тебе в голову. Скорее, по пятой точке. Тоже больно, но шансов выжить несоизмеримо больше. Имеется возможность спокойно поговорить об особенностях этих месяцев совместного проживания. Кстати, не стоит уж, совсем, пренебрежительно относиться к такому «тыловому крысятничеству». Когда сто молодых человек, приблизительно объединённых одной целью, но ещё не позабывших своих «гражданских тараканов» в головах, собираются в одном помещении и проводят в нём значительную часть своей службы, то не может не возникнуть множество нюансов. Здесь мы можем применить и рассмотреть с неожиданной стороны неуставное слово «сосед» с почти полным на то основанием.

Итак, в «тренировочном» варианте призыва на срочную службу каждый год немалое число сотен тысяч призывников на год превращаются в соседей по казарме, можно сказать, в обязательном порядке. Множество «гражданских» вариантов соседства они дружно на ближайший год обменивают

на один единственный, но всё объединяющий вариант – сосед в сапогах. Не все «обменивают» добровольно, но эта мелочь в казарме становится неважной. Если ты оказался здесь, значит всё произошло «по любви» и твоё нытьё (вдруг ты оказался дураком и продолжаешь скулить, когда уже поздно) будет жёстко пресечено в первые же минуты.

Я оказался, сажем откровенно, не прирождённым соседом по казарме, никогда не любил массовых собраний. Но никаких дополнительных объяснений и «вводных инструктажей по использованию» мне не потребовалось. Просто-напросто, я ещё при выгрузке из грузовика по прибытии в часть отключил некоторые участки головного мозга и спокойно сориентировался в обстановке без всяких малодушных угрызений совести. Некоторым это не удалось, и для них притирка прошла несколько сложнее. Но очень скоро все сто процентов обитателей казармы стали образцовыми соседями. Категорически против распространения подобного «принуждения к образцовому соседству» на гражданскую жизнь, но что-то положительное в этом есть. Надо подумать, что именно...

Исподволь и незаметно происходит привыкание к распорядку дня и субординации. Даже удивительно, что ты с удовольствием и непринуждённостью способен проделывать манипуляции, о которых ещё пару недель назад и думать-то боялся! А сейчас спокойно копошишься в каком-нибудь дерьме вместе со всеми и тебя распирает от гордости за возложенное высокое доверие. За последние сто лет (что-

бы далеко не углубляться) наша армия пережила столько небывалых взлётов и сокрушительных падений, что в генетической памяти современных призывников заложена стойкая сопротивляемость к любым невзгодам, к которым происходит почти моментальная адаптация. Происходит перестройка всего твоего внутреннего мира, твои прежние установки представляются уже смешными и несерьёзными, ты забываешь, что можно реагировать по-другому, не так, как тебя приучили добрые дяди в погонах. Освобождаешься от многого наносного, что тебя смущало до армии. Происходит твоё перерождение...

Много чего интересного происходит в большом коллективе одинаково подстриженных и одетых людей. Кому-то покажется незначительным, но для меня до сих пор остался не прояснённым вопрос, связанный с утренней побудкой. Вроде, чепуха, но, если досконально разобраться в химических процессах, происходивших в лопухих головах обитателей казармы в этот момент, многое в организации армейского быта станет понятным. Как это удавалось нашему ротному – «химику – технологу» и гениальному инициатору этих процессов? Для меня загадка...

Почему-то принято считать, что команда «Рота, подъём!» должна звучать зычно и будоражить сознание до степени заикания. Глупости! Совсем необязательно орать благим матом, чтобы вылетали стёкла вместе с рамами и в пустые проёмы выдувались одеяла. Нет необходимости в такой экзальтации

и сгущении красок! Достаточно встать у входа и, не включая свет, вкрадчивым, по-отечески, ласковым и бархатистым тенорком спокойно проговорить команду, тщательно артикулируя каждое слово. Никакого трагизма в голосе и призыва к молниеносному действию. Всё очень спокойно и уравновешенно.

Каждый звук этого вежливого пожелания подняться на построение доходил до каждого гораздо быстрее, чем обратительный фальцет сержанта, который тоже нас поднимал в пересменку с командиром. Можно задаться вопросом: «И почему всегда нельзя говорить вежливо?» Мы с ребятами в курилке поначалу пытались найти ответ, а потом бросили – гиблое это дело – задавать вопросы в армаде, а ответы искать – тем более...

Большие и мёртвые

Они всегда и всюду встречаются в нашей жизни. У тебя не получится разминуться с ними по жизни – обязательно столкнёшься. Чаще это происходит незаметно и буднично, как само собой разумеющееся. Но бывают случаи тяжёлые, запоминающиеся, которые карябают значительный промежуток времени. Настолько значительный, что тебе уже начинает казаться его незыблемость.

Постоянное присутствие такого истукана на твоём пути представляется уже обязательным и даже нормальным состоянием окружающей действительности. К этой аномалии привыкаешь настолько сильно, что свыкаешься с мыслью, что так было всегда и всегда будет. Любое изменение во внешнем облике данной константы воспринимается, как нечто выдающееся, выходящее за рамки обыденности... В любом другом случае будет уместно использовать слово «чудо». Тут оно мне не даётся...

Неожиданно для самого себя осознаёшь, что принимаешь такие «уточнения», как выпад против себя лично. И уже давным-давно вылетело из головы, что, вообще-то, само существование этого молчаливого рудимента человеческой бесхозяйственности, халатности и откровенного разгильдяйства и есть самый настоящий выпад не только против тебя, но и самого здравого смысла, каким его понимают вменяе-

мые граждане.

Хотелось бы, поговорить о самых больших наших соседях, в буквальном смысле этого слова. О зданиях, сооружениях, домах и прочих постройках, которые в результате всевозможных обстоятельств, оказались вне своего смыслового ряда. И своим «выдающимся» состоянием влияют на нашу жизнь больше, чем рядовые, приспособленные к жизни, собратья. Волей-неволей наделяешь их свойствами одушевлённых, но безмолвных персонажей...

А некоторых уже и нет давно, но они зримо присутствуют в памяти. Настолько сильно врезались в твоё естество, что и после удаления из мира живых, они присутствуют в тебе и продолжают беречь воспоминания. Конечно, на первом месте для меня стоит образ моего первого московского дома – вставки у Большого театра, в котором я провёл почти шесть своих первых лет жизни. Туча самых разных, но бесконечно тёплых и волнительных образов... Оставим этого исчезнувшего «мертвеца» для другого сочинения...

Иногда среди моря массовой застройки можно наткнуться на интересный феномен, возникновение которого объяснить можно, но совершенно нельзя подобрать слова, объясняющие его долголетие. Образчик такого непостижимого существования в мире современного чистогана, когда, по идее считается каждая копейка, мозолил глаза всему району без малого сорок лет и только совсем недавно приобрёл внешний вид, задуманный теми далёкими советскими проекти-

ровщиками.

Ко времени нашего переезда в том памятном олимпийском году (кто не помнит – в Москве была Олимпиада) этот удивительный будущий памятник отечественному долгострою уже стоял. Совсем немного ему оставалось, чтобы сформировать до конца свой контур, хотя бы внешние стены доделать. Но судьба распорядилась иначе. Очень быстро с объекта убрались последние рабочие (наши, отечественные) и вывелась техника. Казалось, ну, ещё недельку напрягитесь и уберите эти безобразные пустоты и свисающие концы провод и труб. Заделайте, пусть, и фанерой зияющие прорехи в стенах... Нет, не захотели причесать мрачного уroda, так и оставили на растерзание ветрам и дождям... И потекли десятилетия... Отвратительная махина занимала угловое, «козырное», положение на лице, без того не шедевральное в плане архитектуры, района и просматривалась со всех сторон. Даже общая безликость пространства молила о пощаде.

Словно, Эйфелева башня для Парижа, эти руины просматривались на весь наш район, практически вошли в анналы местного фольклора, если можно так сказать... Постепенно все жители привыкли к подобной аномалии и воспринимали её, как некую аутентичную достопримечательность, без которой мы совсем осиротели.

Такой, вот, навязанный сверху перевёртыш массового сознания. Чья-то ошибка и откровенный ляп превратились в местный памятник непонятного подчинения и сомнитель-

ной значимости. Самое примечательное, и место, и планировка – всё, что могло заинтересовать арендаторов, имелось в наличии. Но какое-то проклятие мешало этому остову преобразиться. Обстоятельства непреодолимой силы мешали дому – неудачнику доделать свои мелочи и запуститься в эксплуатацию.

На полном серьёзе, он начал разваливаться, просто, рассыпаться на глазах. Все уже не столько отчаялись дождаться прорыва в этом деле, сколько, напротив, утомлённая общественность считала дни, когда состоится неизбежный и долгожданный снос. Не дождались... Где-то в непонятных кабинетах закончились невидимые нам игры, и было принято судьбоносное решение. Три месяца потребовалось, чтобы заброшенная машина обрела законченный вид и моментально заселилась. Ждали сорок лет...

Один мой, не такой уж, молчаливый «сосед» притаился под горой. Долго висела на волоске его судьба... Самый старый действующий православный храм на территории Москвы в конце восьмидесятых годов реально собирались сносить! Точнее вывозить на самосвалах, то немного, что от него осталось. Мы с ребятами в детстве на его почти развалинах играли в «войнушку» и даже представить себе не могли, что валяющийся в грудe мусора огромный чугунный крест, когда-нибудь вернётся на маковку. Ничего, оклема... Звонит колоколами, народ собирает...

Наш район, в прошлом, полноценный город со свои-

ми предприятиями, переформатировали в спальную резервацию, лишённую архитектурных достопримечательностей. Привычный и унылый пейзаж не балует людей разнообразием форм и расцветок. Но и здесь, в каждом дворе среди ординарных «панелек» имеются свои «жемчужины», которые многое говорят аборигенам. Без них уже и не представляется нормальная жизнь. Уродцы, которые сначала вызывали резкое отвращение, постепенно стали обыкновенным застарелым бельмом на глазу. Ну, а любая болячка у нас вызывает жалость в сочетании с привычкой. Так мы и живём в мире привычной жалости...

Виртуализация

Этот вид соседства, который обязательно возникает при любой попытке образования более или менее организованной группы людей. Достаточно всего двух индивидуумов, чтобы он проявился моментально. Даже, если этого никто из них не хочет! Скажу больше, при шизофрении или другом психическом расстройстве он может возникнуть и в голове отдельно взятого несчастного.

Много не надо, если имеется возможность какого-либо мыслительного процесса или его извращённой имитации – этот вид, тут, как тут! Речь пойдёт о вычленении среди подобных себе неких особей, наделённых особыми полномочиями по управлению другими. О, так называемой, вертикали власти, о властной пирамиде, о государственном аппарате... У дьявола тысяча имён... О некоем механизме, ориентированном на упорядочивание всех сфер жизни в любом обществе, вне зависимости от его величины и сложности внутренней организации.

Если с персонажами, у которых сознание раздвоено по разным причинам, и они сами не могут определить, кто в их голове, кем управляет, всё предельно ясно. Это состояние болезненное и связано со сбоем персональной «программы». Я медицинского образования не имею, и рассматривать патологические случаи не намерен. Буду говорить толь-

ко о власти, которую мы сами для себя выбираем сознательно и также сознательно с ней «играемся», как бы официально этот процесс не назывался.

Наверное, неправильно говорить о соседстве в рамках компании друзей, где тоже обязательно имеется свой «вождь» или заводила. Самый безобидный вариант «власти», где всё устроено исключительно на добровольных началах – на дружбе и симпатии. Никто никому не обязан подчиняться против своей воли. Если такого нет, то это уже не дружеская компания, а самая настоящая банда, построенная совсем на других принципах. Она была сколочена изначально или переформатирована по мере «дружбы» для реализации совсем других задач, где требуется элемент управляемости, направленный на поддержание максимально долгого срока функционирования группы. Тут мы тоже не увидим соседства – при расслоении единого организма на «соседей» по интересам происходит развал организации.

Кстати, как и в отдельно взятом органе нормального общества, например, в армии. Армия и подобные ей структуры нормального государства не могут позволить себе такое соседство – здесь мы видим тот случай, когда огромный коллектив может жить только при условии абсолютного слияния власти (командиров) с народом (подчинённые). Здесь все составляющие организма должны быть интегрированы в единое целое и условный штаб окажется сборищем изменников, если рискнёт жить отдельной жизнью на правах соседа. Тоже

выпадает из рассмотрения.

Меня интересует взаимоотношение власти с народом в гражданском обществе, живущем в самом обыкновенном своём режиме, где развиты все необходимые институты и представлены все конструкции «сдержек и противовесов». Почему, например, анархисты придерживаются взглядов, направленных против самой идеи государства? Что конкретно их в этой форме организации человеческого общества не устраивает? Почему идея анархизма такая живучая? Реально ли вообще отказаться от власти, как таковой? Можно ли «выключить» её из общественного развития? Как так получилось, что власть и народ обособились друг от друга и позволили говорить о себе, как о соседях?

Вроде, мы сами эту власть формируем, поддерживаем... А получили отдельно стоящую от всех нас касту привилегированных персонажей, которые реально думают, что живут на отдельной планете, где своя гравитация, своя сила трения и законы физики действуют немного по-другому. Как образовался сей чудный феномен, что наше визуальное соседство на общей грешной земле, виртуализировано таким парадоксальным образом? Мы их прекрасно видим, а они нас не замечают!

Какой такой волшебный «тумблер» перещёлкивает режимы в «настройках» модели поведения конкретного и самого обыкновенного человека, когда он переходит границу между нашими мирами и попадает в сообщество «избранных»? Что

эта за чудесная кнопка, которая выключает обратную связь с «чернью» и позволяет этому новообращённому в сонм власть предержащих говорить о себе, как о, без пяти минут, избраннике, помеченном божественной благодатью?

Можно, конечно, начать разговор с тех допотопных времён, когда вождь и его приспешники силой пробили дорогу к власти и мечом утвердили своё верховенство над остальными. Времена такие были, когда главенствовала физическая сила, ну, и, соответственно, потребность слабого соплеменника в могущественном защитнике. Потом добавились богатство и способность вести изворотливую политику с соседними вождями. Время шло, вожди превращались в князей, князья делали из себя царей... Можно сказать, что произошла эволюция в сторону укрупнения особи в самых разных значениях этого слова, в переносном смысле тоже. И самонимение этих самых особей развивалось в этом же направлении. Давным-давно на законодательном уровне они сами себя выделили в отдельный от всех остальных мир. Но эта соседняя вселенная была признана всем обществом! Никто не подвергал сомнению подобный расклад. Крестьяне – отдельно, бары – отдельно... Так обозначено Богом – всё логично...

До того самого момента, когда общее развитие человечества не привело к чёткому и тотальному пониманию того простого факта, что все люди рождаются с одинаковыми правами. Возможности у них могут различаться, но права лю-

бой дееспособный индивидуум имеет равные со всеми другими индивидуумами своей страны. С этого момента и возникает, то самое соседство с властью, которое сбивает с толку своей противоестественной природой. Нигде, никакая демократия не способна искоренить этот поганый образ мысли – если я наделён властью (даже «копеечной»), то автоматически наделён и иммунитетом против совести и морали. Некоторые «особо одарённые» даже человеческий облик начали терять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.